

Вяч. Умнягин, иерей (Москва, Россия)

**Воропаев В.А. Нет другой двери... :
О Гоголе и не только.
М.: Белый город, 2019. 448 с., ил.**

V. Umnyagin, priest (Moscow, Russia)

**Voropaev V.A. No Other Door... :
About Gogol and not Only. Moscow.
Bely Gorod, 2019. 448 p., ill.**

Книга В.А. Воропаева – замечательный научный труд, который приоткрывает дверь в мир одного из наиболее известных и, одновременно, загадочных русских писателей, Николая Васильевича Гоголя. Загадочного, т. е. не познанного, не раскрытого во всей своей творческой полноте. В том числе из-за идеологических влияний, вследствие которых в минувшем столетии из художественного и публицистического наследия отечественных классиков изымалось практически все, что было связано с их религиозными представлениями.

Между тем именно через произведения этих людей, вне зависимости от их отношения к Церкви и издержек собственного духовного пути, в то же самое время происходило возвращение в общественное сознание традиционных ценностей, которые на протяжении веков формируют национальную идентичность и имеют определяющее влияние на жизнь российского социума. В частности, на это указывает один из свидетелей эпохи, бывший заключенный Соловецкого лагеря особого назначения Б.Н. Ширяев, который в начале 1940-х гг. служил учителем русского языка и литературы: «За год до войны в программу выпускного класса десятилетки и педагогического училища включили “Войну и мир”. Не подлежавшая оглашению инструкция, требовала “заострить внимание учащихся на проявлениях героизма и патриотизма офицеров и солдат”... Читали ночами, собираясь в кружки. Рвали книгу друг у друга на час, на полчаса. Синее, беспредельное небо над Аустерлицким полем открылось тем, кто видел в нем до того лишь советскую муть и копоть пятилеток. Нежным цветением отнятой у весны черемухи дохнул первый поцелуй Наташи... Непонятное, еще не осознанное, но влекущее, торжественное таинство духовного преображения призывало к себе со смертного одра князя Андрея...

– В начале всего – Слово, и в Слове – Бог»¹.

Именно духовно-нравственная подоплека творчества, а не только особенности поэтики или социальная направленность сочинений составляет основу русской словесности, а говоря шире – отечественной культуры, которая, вслед за ее лучшими представителями, не может быть до конца понята вне евангельского контекста. В этой связи название книги «О Гоголе и не только...» прекрасно передает как глубинный, так и высший смысл ее содержания, которое не ограничивается анализом творчества конкретного автора, но посвящено непреходящим вопросам внутренней жизни любого человека. Иными словами, книга В.А. Воропаева не только об отдельном классике, но и о каждом из нас, и о той двери, войдя в которую мы обретаем собственную целостность и полноту.

Таким входом, отвергающим усеченное восприятие культурного наследия и восприятие личности наиболее воцерковленного, ведущего едва ли не монашеский образ жизни сочинителя, является присущее ему религиозное мировоззрение. Мимо него чаще всего проходили как его современники, так и проживающие в более поздние времена историки литературы, выставившие автора сатирических и духовных произведений то бунтовщиком, то реакционером, но только не христоцентричным мыслителем, каковым он на самом деле являлся. Тем отраднее, что современный исследователь изучает различные аспекты литературной деятельности и биографии Н.В. Гоголя через призму Православия, влияние которого на развитие взглядов писателя ни с чем не соизмеримо.

Делу раскрытия его истинного образа посвящены переработанные статьи и очерки разных лет, которые для нужд настоящего издания дополнены с учетом новых, в том числе архивных материалов. Книгу можно разделить на несколько условных частей, которые имеют тематическую направленность и позволяют проследить жизнь Гоголя в хронологическом ключе.

Первая часть посвящена хрестоматийным сочинениям («Дело, взятое из души...: О Гоголе и его главной книге», «Над чем смеялся Гоголь: О духовном смысле комедии “Ревизор”», «Почему царю понравился “Ревизор”», «Гражданин Земли Русской: “Тарас Бульба” как героический эпос»), где лейтмотивом выступает «познание России через русский национальный характер, человеческую душу вообще и свою собственную в частности» (стр. 58)².

Призванием отдельной личности в этом взаимосвязанном процессе становится возрождение собственной души, которое представляет собой «одну из высших способностей, дарованных человеку» и может «послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества», в чем, по мнению В.А. Воропаева, «заклучалась одна из сверхзадач “Мертвых душ”» (стр. 66).

Со страниц этого и других произведений Гоголь призывает читателя не ограничиваться ролью безучастного статиста или бездушного наблюдателя, но быть активным участником социальных изменений. Подобное отношение к происходящему определяет замысел «Ревизора», драматургия которого нацелена на то, чтобы «вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что город, обозначенный в комедии, существует не где-то, но в той или иной мере в любом месте России, а страсти и пороки чиновников есть в душе каждого из нас» (стр. 105). Средством для выхода из духовного плена является страх, но не перед государевыми ревизио-

¹ Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 414–415.

² Воропаев В.А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М., 2019. Здесь и далее номера страниц на цитаты из книги даются по указанному изданию.

рами, а перед высшей инстанцией, осознавая которую писатель взывал «к страху Божию, к очищению совести, которой не страшен будет никакой ревизор, и даже Страшный суд» (стр. 112).

Примером людей с очищенной совестью, готовых умереть за Русскую землю и Православную веру, предстают герои наиболее эпического произведения Гоголя – повести «Тарас Бульба», которая и в наши дни «пробуждает в сердцах читателей добрые чувства, в том числе мужество и патриотизм» (стр. 134).

Разбору полемики с современниками, в глазах которых «истолкование уездного города как “душевного города”, а его чиновников как воплощения бесчинствующих в нем страстей, сделанное в духе святоотеческой традиции, явилось неожиданностью <...> и вызвало неприятие» (стр. 115), посвящены статьи о духовной публицистике Гоголя. Эта часть книги рассказывает о произведениях, посредством которых автор «во всеуслышание высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию и слово писателя» (стр. 143–144).

Приведенные слова в первую очередь относятся к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Указанное сочинение примечательно тем, что, сменив жанровую направленность творчества, но не меняя собственных взглядов по существу, писатель вынес «на поверхность немало духовных вопросов и таких тонкостей общественной и частной жизни, о которых интеллигенция того времени почти или вовсе не задумывалась» (стр. 139).

Непонимание авторского замысла вызвало заметную критику как со стороны светского, так и церковного сообщества, представители которого осуждали Гоголя за неопределенность религиозных понятий, преобладание душевного над духовным началом, тогда как коллеги-литераторы пеняли ему за отказ «от художественного творчества и самонадеянные попытки проповедничества» (стр. 149–150).

Как убедительно показывает В.А. Воропаева, речь шла не об отказе от художественного творчества или от творчества вообще. Используя новые для себя формы самовыражения, писатель стремился возвысить земное бытие России, вернуть ему высшее религиозное предназначение и полноту. «Гоголевская апология России, утверждение ее мессианской роли в мире в конечном итоге опираются не на внешние благоустройства и международный авторитет страны, не на военную мощь (хотя и они важны), а главным образом на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию – это прежде всего взгляд православного христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней» (стр. 153).

Вопросам духовных поисков писателя посвящены две отдельно стоящие статьи, в которых рассматриваются «Последняя книга Гоголя: К истории создания и публикации “Размышлений о Божественной Литургии”» и «“Спаси меня моя Отрада...”: Молитва Гоголя к пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании». По оценке ученого-литературоведа и книга, и молитва представляют собой «продукт не столько ума, сколько сердечной веры» (стр. 175). Упомянутые произведения являются следствием личного религиозного опыта, связанного с ежедневным участием в Божественной литургии, а также интересом Гоголя к устному народному творчеству, что «проясняет некоторые существенные особенности его поэтики» (стр. 179).

Следующая часть книги посвящена еще одной не менее важной по сравнению с литургическим творчеством составляющей церковной жизни писателя. Речь идет о его паломнических поездках и мистической связи со святыми местами («Пу-

тешестве ко Гробу Господню», «Благословение Святой Горы: русский Афон в судьбе Гоголя», «“Благодать видимо там присутствует”: Оптина пустынь в судьбе Гоголя», «У мощей преподобного Сергия: Гоголь в Свято-Троицкой Сергиевой лавре», «У Богозданных пещер: На родине Гоголя»), приобщение к которым для Гоголя было насущной необходимостью «как в литературном, так и в духовном отношении» (стр. 193).

Специальное место в исследовании В.А. Воропаева занимают статьи, посвященные предсмертной болезни и причинам кончины писателя («“Да будет воля Твоя”: О причинах смерти Гоголя», «“Ей, гряди, Господи Иисусе!”: Кончина Гоголя как его завещание потомкам»), которые еще в свое время породили множество слухов и сегодня остаются предметом научной дискуссии. При разрешении существующих вопросов повышенный интерес представляют, во-первых, размышления Гоголя о значении страданий в жизни христианина, в чем, по мнению автора исследования, литератору «помогали творения святых отцов и учителей Церкви» (стр. 284), а во-вторых, свидетельства близких людей, с которыми писатель находился в переписке или в непосредственном общении.

Одним из таких собеседников был его духовник – протоиерей Матфей Константиновский, рассказу о котором посвящена отдельная глава («Духовник Гоголя»). В ней автор рассматривает этапы духовной эволюции Гоголя и затрагивает вопрос, связанный с обвинениями священника в том, что «он возлагал на Гоголя непосильные аскетические подвиги, требовал оставить литературное поприще и идти в монастырь и что, наконец, подвигнул его на сожжение второго тома “Мертвых душ”» (стр. 357).

Далее, в качестве приложения к основному материалу, следуют несколько очерков, которые дополняют сведения читателя об общественно-политической атмосфере гоголевской эпохи и проясняют некоторые особенности писательского умозрения. Статья «Вас развратило самовластье» представляет собой опыт прочтения стихотворения Ф.И. Тютчева на события 14 декабря 1925 г., которое при жизни поэта не публиковалось, но стало живой реакцией на целый ряд насущных вопросов. Один из них – вопрос о духовных причинах революции. Автор книги разбирает его на примере поэзии Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина и приходит к выводам, которые не потеряли свой актуальность и в наши дни.

Очерк «Церковь одна» повествует об отношении Гоголя к известному богословскому произведению А.С. Хомякова, чей православный катехизис писатель высоко ценил и даже собственноручно переписал в отдельную тетрадь для того, чтобы иметь возможность обращаться к нему в своей повседневной жизни.

Публикация «Поэт и царь: об адресате стихотворения А.С. Пушкина “С Гомером долго ты беседовал один...”» раскрывает некоторые аспекты восприятия Гоголем наследия Пушкина в свете отношения поэтов к Самодержавию и значению монархической власти для России.

Завершает книгу статья «Гоголь как мыслитель». В отличие от вступления «“Нет другой двери”: Гоголь и Евангелие», где автор сборника подводит итоги многолетних исследований, в эпилоге высказываются предварительные замечания, связанные с идеями и пророчествами писателя, благодаря которым он «вплотную подошел к основным темам русской религиозной философии» (стр. 446). Постановку проблемы можно считать своеобразной эстафетой, которую маститый ученый передает новому поколению филологов, призывая их к дальнейшим научным поискам и изучению места Гоголя в литературном процессе, в светской и

церковной истории России. В частности, это касается анализа стиля и языка «Выбранных мест...», для чего, по мнению В.А. Воропаева, в академической среде должны «появиться исследователи, способные соотнести книгу Гоголя с традицией святоотеческой литературы и высоким стилем русской философской поэзии XVIII–XIX веков (образцы которой отчасти указаны самим Гоголем в статьях “О лиризме наших поэтов”, “В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность” и неоконченном трактате “Учебная книга словесности для русского юношества”» (стр. 160–161).

На протяжении всего повествования мы видим, как шаг за шагом, штрих за штрихом автор издания создает малоизвестный портрет одного из наиболее известных русских писателей. И одновременно, подобно реставратору, убирает мешающие восприятию наслоения с образа Гоголя-драматурга, Гоголя-мыслителя, Гоголя-богослова, представляя истинный образ этого литератора и человека.

В заключение хотелось бы сказать, что книга Владимира Алексеевича Воропаева не только выдающийся научный, но также гражданский и духовный труд, результаты которого в реалиях российской жизни и русской культуры неразрывно связаны друг с другом и друг без друга существовать не могут.

Сведения об авторе:

Иерей Вячеслав Умнягин,
канд. филол. наук
ответственный редактор книжной серии
«Воспоминания соловецких узников»
(1923–1939)

priest Vyacheslav Umnyagin,
PhD
Executive editor of the book series
Memories of Solovki prisoners»
(1923–1939)
solovki-news@yandex.ru